



## Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке

Ю. М. Казанцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия  
julia.kasanzeva@gmail.com

**Аннотация:** В статье с позиций контенсивной типологии рассматривается функционирование залоговых форм современного немецкого языка как одно из проявлений особенностей номинативного строя языка, выявляются модели текстообразующей роли пассивного залога: выделительная функция, обеспечение тождества референции, импликация, резюмирование, перечисление с оттенком противопоставления, глобальные модели построения целого текста на основе гипертемы и гиперремы.

**Ключевые слова:** контенсивная типология, номинативный строй, категория залога, коммуникативное членение, текстообразующая функция

**Для цитирования:** Казанцева Ю. М. Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 59–66.

---

Original article

## Typological Dimension of Verbal Voices in Modern German

Julia M. Kasanzeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia  
julia.kasanzeva@gmail.com

**Abstract.** Grounded in the theory of contensive typology, the article researches into functions of voice forms in modern German, treating them as a representation of the language's nominative properties; models of text-building functions of the passive voice are specified: foregrounding (intensification), identity of reference, implication, summarizing, enumeration loaded with contrast, strategic patterns of constructing a whole text on the basis of hyper-theme and hyper-rheme.

**Keywords:** contensive typology, nominative structure, the category of voice, communicative division, text-building function

**For citation:** Kazantseva, J. M. (2024). Typological dimension of verbal voices in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 59–66. (In Russ.)

## ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние грамматической теории показывает плодотворность применения комплексных исследовательских парадигм, объединяющих не только различные дисциплинарные области, но также и синтагматику, и парадигматику грамматических явлений применительно к синхронии и диахронии. В настоящей статье предпринимается попытка привлечь к анализу функционирования залоговых форм немецкого глагола данные типологических исследований в русле теорий отечественных языковедов М. М. Гухман и Л. С. Ермолаевой, представленных в целом ряде значительных публикаций 1970–1980-х годов: коллективная трехтомная монография «Историко-типологические исследования германских языков» (1977); «Очерки по сопоставительной грамматике германских языков» (1987).

Следует отметить, что лингвистическая типология не ограничивается классификацией языков, но имеет особую актуальность для изучения системно-структурных и функциональных свойств языка как сложного многоуровневого образования [Солнцев, 1985]. Об этом свидетельствует появление в настоящее время после длительного перерыва исследований типологической направленности, в частности, монографии Л. Д. Исаковой «Многообразие языков в их вариативности» (2022).

Основная цель типологических исследований состоит в выявлении в различных языках безотносительно к их родству общих структурных категорий, а также общих тенденций развития, что составляет предмет так называемой формальной (структурной, морфологической) типологии. Контенсивная типология обращается к семантическим аспектам функционирования языков, в частности, к выражению в языках различного строя субъектно-объектных отношений, в связи с чем проблемы категории залога приобретают особое значение.

## КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Л. С. Ермолаева намечает в своих работах такой важный принцип описания строя языка как необходимость сочетания данных формальной и контенсивной (содержательно ориентированной) типологии [Ермолаева, 1978, с. 119].

Традиционные структурные подходы к интерпретации залоговости включают в себя в качестве основного положения описание соотношения семантической и синтаксической структур предложения в активном или пассивном предложениях, так называемых диатез, в зависимости от лексико-грамматического значения глагола-сказуемого

(переходность, непереходность и др.). В фокусе внимания в индоевропейских языках при этом находится оппозиция «действительный / страдательный залог». Типология залоговых диатез основана на названных характеристиках глагола-сказуемого и имеет выход в синтаксическую типологию порядка слов. При этом актив и пассив часто рассматриваются в морфологическом плане как отношение базовой активной формы к производной – пассивной форме предложения [Проблемы теории грамматического залога, 1978]. В этом плане можно заметить известное сближение проблематики синтаксической и контенсивной типологии, поскольку основные концепции в русле контенсивной типологии также обращаются к выражению семантических отношений в структуре предложения, а именно к способам выражения субъектно-объектных отношений в языках различного строя. Совершенно оправдано в этой связи, что в центре внимания также оказываются средства выражения залоговых значений – актив и пассив, понятие переходности – непереходности глагола, другие лексико-грамматические характеристики глагольных лексем, как например, возвратных глаголов, глаголов чувственного восприятия (*Mich friert*), классификация объектов (прямой, косвенные).

На различении падежного оформления агенса и пациенса в разноструктурных языках основана классификация контенсивных типов языков. Так, в языках эргативного строя подлежащее при переходном глаголе-сказуемом стоит в особом эргативном падеже, при непереходном глаголе – в именительном падеже. В языках номинативного строя подлежащее независимо от типа глагола оформляется именительным падежом, в связи с чем в качестве основного признака языков номинативного строя традиционно рассматривается именительный падеж подлежащего независимо от семантики глагола-сказуемого, а также его залоговых форм.

Л. С. Ермолаева подчеркивает в этой связи, что номинативный строй как один из способов выражения субъектно-объектных отношений отличается не только наличием номинатива – подлежащего, занимающего начальную позицию в предложении. По мнению Л. С. Ермолаевой, функция первого места в предложении связана прежде всего с тем, что это – место «данного», т. е. темы высказывания [Ермолаева, 1991, с. 24]. Как отмечает в этой связи Л. Дэжэ, типология диатез связана с типологическими правилами актуального членения предложения и такими основными средствами его выражения, как порядок слов и акцентуация предложения [Дэжэ, 1978, с. 24]. Следовательно, если применить к анализу приведенные положения Л. С. Ермолаевой и Л. Дэжэ, коммуникативный статус семантических

актантов «агенс» / «пациенс» в активном и пассивном предложениях различен:

Активное предложение: агенс – тема – подлежащее / пациенс – рема – прямое дополнение; пассивное предложение: пациенс – тема – подлежащее / агенс – рема – предложное дополнение.

Исходя из вышеизложенного, представляется оправданным рассматривать развитие и функционирование залоговых форм в контексте становления номинативного строя и связанных с этим процессов, затрагивающих уровни морфологии и синтаксиса, в частности, развитие коммуникативной структуры предложения и средств передачи данного и нового на синтаксическом и морфологическом уровнях. Как отмечает Л. С. Ермолаева, ведущая роль в происходящих типологических сдвигах принадлежит семантическим процессам, относящимся к области грамматической семантики, а именно: к системной значимости словоформ и их роли в выражении значений модальности, темпоральности, персональности, целеустановки высказывания [Ермолаева, 1987, с. 118]. В этой связи целесообразно обратиться вначале к семантике залоговых противопоставлений.

М. М. Гухман описывает многоаспектную смысловую структуру оппозиции «действительный / страдательный залог» в синтаксических терминах и выделяет две пары противопоставленных содержательных признаков или сем:

- 1) противопоставление центробежного процесса процессу центростремительному:

Ich habe den Brief noch gestern fertig geschrieben и Der Brief ist von mir noch gestern fertig geschrieben worden;

- 2) противопоставление по типу связи между грамматическим субъектом (подлежащим) и процессом в широком значении слова: при центростремительном процессе позицию грамматического субъекта (подлежащего) занимает пассивный или шире инактивный носитель признака (пациенс), аффицированный процессом; при центробежном процессе грамматический субъект (подлежащее) выступает как источник процесса (агенс).

На семантическом уровне М. М. Гухман выделяет следующую оппозицию:

- 3) противопоставление по типу соотношения между грамматическим субъектом и грамматическим объектом, с одной стороны, и смысловым субъектом и объектом – с другой [Гухман, 1977, с. 131]. М. М. Гухман отмечает в этой связи, что перечисленные признаки в развернутом виде представлены

только в трехчленном пассиве, в то время как более распространенной синтаксической структурой даже в древних германских языках является двучленная без указания на производителя действия [там же].

Как известно, синтаксические сочетания причастия II переходных глаголов с глаголами *быть* (*sein*) и *становиться* (*werden*) широко представлены уже в памятниках древневерхненемецкого периода. В. Г. Адмони, исследуя синонимику средств выражения действия и состояния в средневерхненемецком, отмечает, в частности, что пассивная конструкция значительно расширила круг своего применения: она, с одной стороны, выступает как синоним безличной конструкции с *man* при переходном глаголе, где несущественным или неизвестным является производитель действия, а с другой – как синоним конструкций с непереходным глаголом [Адмони, 1963, с. 85]. Следовательно, уже в средневерхненемецком периоде в основном сложились современные нормы употребления страдательного залога. При этом семантика пассивного залога (центростремительность) как бы стирается, если учитывать сравнительно большую частотность двучленной и одночленной пассивной конструкций и тот факт, что в пассивном предложении допускается употребление непереходных глаголов, обозначающих действия человека, следовательно, на первый план выходит не пациенс-подлежащее, а само действие.

В этом же русле следует, на наш взгляд, рассматривать теории о различном представлении в поверхностной структуре предложения семантической структуры ситуации в зависимости от замысла автора и коммуникативной цели высказывания. В частности, О. И. Москальская выделяет четыре возможных способа представления ситуации [Москальская, 2004, с. 124–125]:

- 1) с позиции агенса (активное предложение):

Die Kommission begutachtete den Bauentwurf. Die Kompanie marschierte weiter. Wir haben über diesen Vorfall heftig gestritten).

- 2) с позиции пациенса (пассивное предложение):

Der Bauentwurf wurde (von der Kommission) begutachtet).

- 3) с позиции инактивного субъекта (пассивное предложение):

Dem Schüler wird (vom Lehrer) geholfen.

- 4) с позиции самого действия (пассивные предложения):

Es wurde heftig gestritten. Wird denn hier nicht geheizt? Es wurde weiter marschiert.

В поисках ответа на вопрос, что определяет выбор активной или же пассивной формы предложения, К. Урбан предпринял экспериментальное исследование, результатом которого является вывод о зависимости выбора от таких прагматических переменных, как «целенаправленный интерес» (*das zielgerichtete Interesse*) или «целенаправленное внимание» (*gezielte Aufmerksamkeit*) говорящего [Urban, 1980]. Следовательно, можно утверждать, что залоговые конструкции немецкого языка являются одним из средств формирования структуры высказывания.

### ТЕКСТОБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЗАЛГОВЫХ СТРУКТУР

Как отмечает Л. С. Ермолаева, каждый контентивный тип языка характеризуется определенной семантической доминантой, последовательная смена одной семантической доминанты другой позволяет проследить нарастание в процессе развития языка категорий с дейктической, референциальной и «коммуникативной» семантикой [Ермолаева, 1995, с. 48].

В качестве семантической доминанты языков номинативного строя Л. С. Ермолаева называет повышенную ориентацию языковой системы на выражение коммуникативного членения предложения, в связи с чем представляется оправданным рассмотреть в данном контексте не только становление категории определенности / неопределенности существительного, но и функционирование залоговых форм как одного из средств варьирования структуры предложения, включая его актуальное членение.

Как известно, формы пассивного залога получают достаточно широкое распространение уже в древневерхненемецком периоде, в то время как категория определенности / неопределенности существительного окончательно оформляется в средневерхненемецком. В этой связи представляется интересным проследить роль пассивных конструкций в коммуникативном оформлении древневерхненемецкого текста:

- 1) *Chindh uirdit uns chiboran, sunu uirdit uns chigheban...* (*Der althochdeutsche Isidor*)<sup>1</sup> = Uns

<sup>1</sup>Древневерхненемецкий текст приводится по: Н. С. Чемоданов «Хрестоматия по истории немецкого языка» (1978). Для пояснения приводятся соответствующие места из: «Die Bibel Einheitsübersetzung» (2007), не являющиеся дословным переводом, но дающие представление о восприятии коммуникативной структуры высказывания носителем языка.

ist ein Kind geboren, ein Sohn ist uns geschenkt (*Jesaja*).

- 2) *Thô sie thar uuarun, vvurđun taga gifulte, thaz siu bari...* (*Der althochdeutsche Tatian*) = Als sie dort waren, kam für Maria die Zeit ihrer Niederkunft (*Lukas*).

В приведенных пассивных предложениях обозначения пациенса (*Chindh, sunu, taga*) при отсутствии артикля имеют различную контекстную интерпретацию, что можно проследить при сравнении древнего и современного текстов. В первом отрывке существительное предполагает употребление неопределенного, во втором – определенного артикля, т. е. естественно предположить, что само употребление пассива не дает четкого представления о коммуникативной структуре предложения, однако нельзя не обратить внимания и на различия в порядке слов применительно к первому примеру: древневерхненемецкое предложение (*Chindh uirdit uns chiboran...*) содержит эмфатическое выделение пациенса в отличие от нейтрального порядка слов в современном варианте (*Uns ist ein Kind geboren*).

Примером выделительной функции пассива может служить далее его употребление и в следующем фрагменте текста:

- 3) *In thriten tage brûtloufti gitano uuarun in thero steti thi u hiêz Canan Galilê: thar uas heilantes muoter. Gihalot uas ouh thara ther heilant inti sine iungiron zi thero brûtloufti.* (*Der althochdeutsche Tatian*) = Am dritten Tag fand in Kana in Galiläa eine Hochzeit statt und die Mutter Jesu war dabei. Auch Jesus und seine Jünger waren zur Hochzeit eingeladen (*Johannes*).

Примечательно, что пассивная форма открывает предложение своего рода «перевернутой рамкой», что позволяет переместить на позицию ремы данное (пациенс) – именование Спасителя и его учеников.

Примером использования пассивной структуры предложения для выдвигания в позицию ремы агенса может служить нижеприведенный отрывок:

- 4) *Thaz giscrib iz êristen uuard gitan in Syriu fon đemo grauen Cyrine...* (*Der althochdeutsche Tatian*). = Dies<sup>2</sup> geschah zum ersten Mal: damals war Quirinius Statthalter von Syrien (*Lukas*).

Обращает на себя внимание, что в современном немецком тексте именование агенса вынесено в отдельное предложение в однозначно рематическую

<sup>2</sup>Giscrib (Volkszählung).

позицию. Таким образом, уже в ранних памятниках можно наблюдать примеры использования залоговых форм для придания пациенсу и агенсу различного коммуникативного статуса в зависимости от целей высказывания.

Обращаясь к современному функционированию залоговых форм, можно выделить ряд типичных способов использования пассива и актива в текстах научного и научно-публицистического дискурсов.

В качестве весьма распространенного можно указать на совместное употребление активной и пассивной структур предложения, что создает тождество референции и позволяет поддерживать в фокусе одно и то же обозначаемое при различии его семантического и коммуникативного статусов:

- 1) Vornehmlich werden Süßwasserfische feilgehalten.
- 2) Sie stammen aus zahlreichen, meist künstlich angelegten Teichen (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

В первом предложении *Süßwasserfische* – пациенс, с коммуникативной точки зрения является ремой, во втором – *Sie* – агенс, тема предложения.

Возможно далее совмещение ролей агенса и пациенса в одном члене предложения – подлежащем, в этом случае подлежащее в коммуникативном плане является темой высказывания, при различии имплицитного семантического статуса: для первого элементарном предложении – агенс, для второго – пациенс:

- 1) Bald steht die Stadt in Flammen und wird vom Kriegsvolk geplündert (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).
- 2) Sie (Прäfixbildung) erscheint nicht als eigene Bildungsweise, sondern wird bei BEHAGEL und PAUL unter den Zusammensetzungen behandelt (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Следующий весьма распространенный способ сочетания залоговых форм в тексте можно было бы назвать импликацией, когда сказуемое первого предложения имплицитно употребляет пассивной формы близкого по смыслу сказуемого во втором (*verarbeiten – erzeugen; durch Kanäle verknüpfen – bauen*):

- 1) Kupfer, das man zunächst mit Galmei zu Messing verarbeitete, bezogen die Händler von Köln oder direkt von Sachsen. *Erzeugt wurden* Luxusartikel, nicht billige Gebrauchsgegenstände (*Ernst Werner. Zwischen Canossa und Worms*).

- 2) Die Hanse wollte Nord- und Ostsee durch Kanäle verknüpfen, aber nur einer wurde wirklich gebaut (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

Данный способ используется также при введении цитат. В частности, можно привести в качестве иллюстрации следующий фрагмент, основанный на паре глаголов *begründen – betrachten*:

- 3) Sütterlin *begründet* die Legitimität der synchronen Beschreibung der Wortbildung, notfalls unter Vernachlässigung historischer Zusammenhänge: „*Betrachtet wird...* alles zunächst vom heutigen Standpunkt und an der Hand des heutigen Sprachgefühls“ (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Резюмирование, сжатое перечисление отдельных положений в научном стиле также благоприятствует использованию пассивных предложений:

Entsprechend dem didaktischen Charakter des Werkes werden u. a. Hinweise gegeben zum Gebrauch des Bindestrichs bei Zusammensetzungen... und mehrgliedrige Zusammensetzungen werden treffend mit kritischem Akzent charakterisiert... (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Одной из форм рассмотренного способа можно считать перечисление с оттенком противопоставления (*Silbergruben, Eisen, Kupfer*):

- 1) Die *Silbergruben* lagen am Rammelsberge bei Goslar, in den Alpen, in Böhmen... und in Sachsen bei Freiberg.
- 2) *Eisen* wurde besonders im Sieger- und Sauerland, in der Oberpfalz... *Kupfer* im Mansfeldischen abgebaut (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

Следует обратить внимание, что во втором предложении оба существительных, являясь в коммуникативном плане ремой, занимают в предложении начальную позицию, свойственную тематической информации, что позволяет говорить о функции эмфатического выделения пациенса через употребление пассивного залога.

Исходя из анализа исследованного материала, целесообразно рассмотреть далее роль пассивных форм в создании коммуникативной структуры целого текста. Так, представляется целесообразным применить к описанию коммуникативной организации текста понятие моделей тема-рематических цепочек, расширив это понятие до принципа структурирования информации. В нашем случае можно выделить две модели, одну на базе производных

тем, вытекающих из общей темы (гипертемы), и другую модель, не описанную в настоящее время в литературе, а именно – модель тема-рематической цепочки с гиперремой. Оба названные вида тема-рематической организации текста основаны на понятии импликации, когда все частные производные темы и ремы вытекают из гипертемы и гиперремы на основании подразумеваемого отношения части к целому (ср. [Москальская, 1981, с. 23]).

В качестве иллюстрации первого вида тема-рематической организации текста с гипертемой приведем следующий фрагмент текста из труда М. Д. Степановой и В. Фляйшера «Grundzüge der deutschen Wortbildung»: *Grimms Konzeption lässt sich wie folgt skizzieren.*

Es wird analytisch-historisch vorgegangen. <...> Hier werden lange Materialübersichten gegeben, geordnet nach der Form, nach vokalischen und konsonantischen Ableitungselementen, innerhalb deren dann Substantive, Adjektive und Verben zusammengestellt sind. <...> Als Deutsch wird ein Großteil der germanischen Sprachen erfasst <...>; ihre ganze historische Überlieferung wird herangezogen... (M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung).

Коммуникативную структуру данного фрагмента можно схематически отобразить следующим образом:

Гипертема (**Konzeption**) → производные темы: *analytisch-historisch vorgegangen; Materialübersichten gegeben; ein Großteil der germanischen Sprachen erfasst; ihre ganze historische Überlieferung wird herangezogen.*

Данная модель реализуется на основе употребления пассивных предложений. Модель с гиперремой основана на сочетании активных и пассивных предложений:

Die Städte und auch manche Fürsten *gingen* nach Kräften gegen den Kleinadel und seine Raubnester vor. Die Burgen wurden *zerstört* und *abgebrochen*, die Ritter mit dem Schwert *gerichtet*. Ihre Spießgesellen *aufgeknüpft* oder ertränkt (Walter Zöllner. Reise in die Gotik).

Коммуникативная структура фрагмента может быть представлена следующим образом:

Гиперрема (**vorgehen**) → производные ремы (*zerstört und abgebrochen; mit dem Schwert gerichtet; aufgeknüpft oder ertränkt*).

Очевидно, что в предложенном анализе речь идет не о прямом переносе, а об аналогии, позволяющей представить структуру текста в целом

с позиций его коммуникативной организации. Как представляется, пассивные формы позволяют фокусировать изложение на объекте рассмотрения, что может объяснить их использование в научном стиле. Относительно более частотное употребление двучленного пассива в научном тексте приводит ряд исследователей к распространённому утверждению, согласно которому пассив дает возможность не указывать на действующее лицо и тем самым обращать внимание на объект действия или на само действие и придавать тексту объективность, а также создавать возможность более экономного изложения с точки зрения используемых языковых единиц. В дополнение к этому обстоятельству указывается, что в научном тексте широко распространено употребление глагольно-именных словосочетаний с именным компонентом и широкозначным глаголом (*in Frage kommen, Anwendung finden* и др.) [Исакова, 2022, с. 78], ведущее к устранению агенса из научного текста.

Как представляется, это утверждение оправдано только с формальной точки зрения. Неупоминание агенса не означает его удаление из контекста изложения, более того, весь текст «привязан» к имплицитному агенсу, что можно, на наш взгляд, подтвердить через сопоставление с русским языком. При переводе приведенного ранее начального фрагмента текста – *Grimms Konzeption lässt sich wie folgt skizzieren. Es wird analytisch-historisch vorgegangen* – второе предложение целесообразно передать как *Гримм использует аналитико-исторический метод, а не используется аналитико-исторический метод.*

В качестве подтверждения можно проанализировать аналогичный контекст:

Nicht zufällig hat Luther das Neue Testament zuerst übersetzt <...> Im Gegensatz zum Alten Testament wurde das Neue Testament nicht vorwiegend als eyn buch der gesetz und gepot verstanden, sondern als eyn buch der gotlichen vorheysungen... (Erwin Arndt, Gisela Brandt. Luther und die deutsche Sprache).

В отличие от Ветхого Завета, Лютер понимал Новый Завет преимущественно не как книгу законов и заповедей, а как книгу Божественных обетований<sup>1</sup>.

Очевидно, что, несмотря на дистантное расположение предложений в тексте, употребление имени Лютера в русском переводе является обязательным: именно Лютер давал такое толкование книгам Нового Завета.

<sup>1</sup>Перевод наш. – Ю. К.

Следовательно, вряд ли оправдано рассматривать в качестве основной причины опущения агенса его несущественность, или неизвестность. Скорее всего речь идет о том, что агенс в большинстве случаев имплицитно представлен в структуре высказывания и отсутствие его именованности дает возможность выдвигать в позицию темы, на первое место в предложении, пациенс. Таким образом, номинативный строй языка позволяет употреблять в номинативе не только активное, но и пассивное подлежащее.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л. С. Ермолаева в работе «Место и роль типологического метода в сравнительно-исторических исследованиях» отмечает, что построение предложения связано с контенсивным типом языка и что в индоевропейских языках типичным является такое положение вещей, когда подлежащее-номинатив оказывается данным, темой предложения,

независимо от того, выражает ли оно субъект или объект действия [Ермолаева, 1991, с. 24].

На основании сказанного представляется возможным охарактеризовать категорию залога как дискурсивную синтактико-морфологическую категорию, предоставляющую говорящему возможность варьирования коммуникативной структуры высказывания, т. е. залоговые формы дают возможность избирать в качестве отправной точки коммуникативного членения информации один из компонентов коммуникативной ситуации и выдвигать в позицию темы либо пациенс, либо агенс, либо само действие.

Таким образом, залоговые формы в современном немецком языке наряду с категорией определенности / неопределенности существительного являются компонентами сложного, по существу, текстового маркера темы-ремы высказывания, включающего в себя порядок слов, употребление залоговых структур, употребление артикля, интонацию.

---

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солнцев В. М. Лингвистическая типология и общая теория типологии // Лингвистическая типология. М.: Наука, 1985. С. 3–5.
2. Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987.
3. Проблемы теории грамматического залога: сб. статей / АН СССР. Ин-т языкознания. Ленингр. отд.; отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1978.
4. Ермолаева Л. С. Место и роль типологического метода в сравнительно-исторических исследованиях // Типология языков и межуровневые связи: сб. науч. тр. МГПИИЯ. 1991. Вып. 382. С. 20–30.
5. Дажё Л. Диатезы в системе грамматической типологии // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 22–27.
6. Гухман М. М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков. М.: Наука, 1977. С. 86–145.
7. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
8. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка = Grammatik der deutschen Gegenwartssprache: учебник для студентов вузов М.: Академия, 2004.
9. Urban K. Zur Abhängigkeit der Passivverwendung von einigen pragmatischen Variablen // Sprache und Verstehen: Kongressberichte der 10. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik. Tübingen, 1980. S. 62–65.
10. Ермолаева Л. С. «Картина мира», условия речевой коммуникации и контенсивные типы языка // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. Москва, 1315 декабря 1995 / отв. ред. В. П. Нерознак М.: ФИАН-фонд, 1995. С. 48–49.
11. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
12. Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022.

---

## REFERENCES

1. Solntsev, V. M. (1985). Lingvisticheskaĭ tipologija i obščaja teorija tipologii = Linguistic typology and general theory of typology. Lingvističeskaja tipologija (pp. 3–5). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Jermolajeva, L. S. (1987). Očerki po sopostavitelnoj grammatike germanskih jazikov = Essays in the comparative grammar of Germanic languages. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
3. Khrakovsky, B. S. (Ed.) (1978). Problemi teoriji grammatičeskogo zaloga = Problems of the theory of grammatical voice. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

4. Jermolajeva, L. S. (1991). Mesto i rol' tipologičeskogo metoda v sravnitel'no-istoričeskikh issledovanijah = Status and role of the typological method in comparative-historical studies. *Tipologija jazikov i mezhurovneviye svjazi*. MGPIIJa, 382, 29–30. (In Russ.)
5. Dehzo, L. (1978). Diatezi v sisteme grammatičeskoy tipologija = Diathesis in the system of grammatical typology. *Problemi teoriji grammatičeskogo zaloga* (pp. 22–27). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Guhmann, M. M. (1977). Tipologija rasvitija zalogovih oppozitsij = Typology of voice oppositions development. *Istoriko-tipologičeskaja morfoložija germanskih jazikov* (pp. 85–145). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Admoni, W. G. (1963). *Istoričeskij sintaksis nemetskogo jazika* = Historical syntax of the German language. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
8. Moskalskaja, O. I. (2004). *Teoretičeskaja grammatika sovremennogo nemeckogo jazyka* = Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow: Academia. (In Russ.)
9. Urban, K. (1980). Zur Abhängigkeit der Passivverwendung von einigen pragmatischen Variablen. *Sprache und Verstehen: Kongressberichte der 10. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik* (S. 62–65). Tübingen.
10. Jermolajeva, L. S. (1995). 'Kartina mira', uslovija rečevoj komunikatsiji I kontensivnyji tipy jazikov. *Etničeskoje i jazikovoje soznanije* (pp. 48–49). (In Russ.)
11. Moskalskaja, O. I. (1981). *Grammatika teksta*. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
12. Isakova, L. D. (2022). *Mногообразіе јазиков v ih variativnosti*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

### Казанцева Юлия Михайловна

кандидат филологических наук, профессор  
 заведующая кафедрой грамматики и истории немецкого языка  
 Московского государственного лингвистического университета

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

### Kasanzeva Julia Mikhailovna

PHD (Philology), Professor,  
 Head of the Department of Grammar and History of German  
 Faculty of the German Language  
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию  
 одобрена после рецензирования  
 принята к публикации

15.04.2024  
 29.04.2024  
 06.05.2024

The article was submitted  
 approved after reviewing  
 accepted for publication